

Перелопачивайте стихотворные сборники двадцатых годов, и в каждом вы обязательно найдете стихи о гражданской войне. О боях и походах, о Перекопе и Царицыне, о сражениях с немцами и англо-американскими интервентами, о разрозненных боях и комбинатах, о красных партизанах и коопармеевцах.

С пожелтевших страниц этих тонких книжечек на вас повеет ветром давней поры, востром истории. В те годы сожилось дыхание времени резко изменило содержание русской поэзии и форму ее, самый способ поэтического мышления. Вместе с новыми народными героическими образами в литературу вошли язык, народный говор.

Романтика боевого подвига была содержанием нашей молодой поэзии. Поэты, выступившие впервые в двадцатых годах, были причастны к великому историческому движению народа, к орудию в руках отстоявшего завоевания Октября. Помню, как в далекой Тургайской степи, в начале двадцатых годов, я встретил дух бойцов полка Степана Разина. Часами слушал я рассказы бойцов о пережитом, о военных годах. Тогда я еще не писал стихов, но, много лет спустя, я понял, что рассказы этих людей и тому, что сам увидел в ту пору, обязан тем, что стал поэтом.

Наша литература росла и мужала вместе со всей страной, вместе с родной армией. Я был красноармейцем, когда вышла в свет моя первая тоненькая книжечка стихов. Армия в ту пору была уже другой, — это были годы мирной учебы, напряженного труда, годы упорной подготовки к великим испытаниям грядущих дней.

Помню, на маневрах в 1930 году, где я был представителем ленинградской гавести, все мы, военные корреспонденты, обратили внимание на молодого командира, введшего «в бой» небольшое механизированное соединение. Умело маневрируя, он прорвался в глубокий тыл «противника». Прошло много лет. Вскоре после окончания Отечественной войны я уви-

дел на одном собрании известного генерала, что имя не раз упоминалось в приказах Верховного Главнокомандующего. Я был поражен, узнав в нем того же самого ротного командира. Годы Отечественной войны стали для него годами проверки накопленного за всю жизнь опыта, годами свершений. Я подумал о том, какой благодарной темой была бы повесть об этом человеке.

Неверно, что армейская тема — это только тема боев, рассказ о сражениях и битвах. Только тот по-настоящему чувствует дух армии, кто любит армию не только вострой порой, но и мирный уклад солдатской жизни, с ее лагерными учениями, с маневрами и учебными стрельбами, с лыжными походами, со всей трудной, требующей огромного терпения работой по подготовке боя.

Мы видели родную армию в пору ее величайших испытаний — на полях битв Отечественной войны. И в этой войне писатель нашел свое место. Литературный труд стал необходимой частью политической работы в войсках. Писатели были газетчиками и агитаторами, а когда требовалось, они во время боя сменяли перо на штык.

Духовное убожество современной буржуазной западной литературы особенно ясно ощущаешь, знакомясь с книгами, написанными за рубежом о войне. В этих сочинениях, оторванных от народа, война становится лишь поводом для изображения индивидуалистических переживаний героев, военные операции — лишь фоном, на котором развигляется детективно-приключенческий или упадочно-психологический сюжет.

Мы еще в долгу перед Советской Армией, но и сейчас уже, отбрав самое лучшее из написанного нашими писателями об Отечественной войне, можно составить обильные тома, ярко отражающие величественный эпос героических лет. В нашей стране слово писателя стоит на вооружении армии так же, как боевое оружие солдата.

Человек МИНДЕРОВИЧ

ЗНАМЕНА ПОБЕДЫ

С любовью, доверием и гордостью взирал народ Югославии на героическую Советскую Армию.

Наша любовь к Советской Армии, к братскому Союзу Советских Социалистических Республик проверена кровью в самые трудные дни борьбы против фашизма. Чувство это живет и день ото дня крепнет в каждом из нас, свободных граждан новой Югославии, ибо победы Советской Армии дали нам возможность очистить страну от кровавых гитлеровских оккупантов.

Дни минувшей войны еще не отодвинулись от нас в глубь десятилетий. Сквозь шум созидательной работы на восстановлении нашей первой пятнадцатилетней, связью гуд нашего радостного, творческого труда в освобожденном Отечестве, смело плушем по пути социализма, нам все еще слышится глухой грохот танков и взрывы бомб; мы все еще чувствуем запах дыма многочисленных пожаров и острый привкус пороха, подожженного с целью истребления народов Югославии.

Воспоминания еще свежи, как живая кровь в нас. И может быть именно поэтому, как цемент, как гранит, будет крепка и нерушима в народах Югославии вера в СССР, в Советскую Армию, в братство нашего оружия, сложившееся в годы минувшей войны.

В камне, бронзе, в стихах, долотом и пером мастера искусства свободной Югославии славят братство по оружию советского и югославского народов. В песнях, создаваемых всеми народами Югославии, даже в самых отдаленных горных местностях, выражена горячая любовь к Советскому Союзу. Это чувство с огромной силой проявилось и в нашей литературе: в поэмах, рассказах, романах и драматических произведениях, где одной из главных тем стала дружба советского народа и народов Югославии.

С боями пройденны тысячи километров — таков беспримерный героический путь бойцов Советской Армии до дня незабываемой встречи с молодой Народно-Освободительной Армией Югославии.

Радость встречи озарилась новыми победами. То, что пережили мы тогда, трудно выразить словами. Красноречивей любых слов говорила кровь, пролитая за общее дело.

День победоносной Советской Армии народы Югославии празднуют в обстановке полной свободы и первых достижений на экономическом фронте.

В этот день мы шлем лучшие пожелания могучей армии советского народа и глубоко преклоняемся перед ее заслугами в деле борьбы за мир, за общечеловеческий прогресс.

Справедливый мир, свобода народов, творческий труд — написано на знаменях Советской Армии, армии Сталина.

Справедливый мир, свобода народов, творческий труд — написано на знаменях Югославской армии, армии Тито.

Любовь, доверие и гордость, которые народы Югославии питают к Советской Армии, глубокое чувство братства, соединяющие Югославию с Советским Союзом и с остальными странами новой демократии — это мощный фактор мира и культуры, преодолевая преграды, возмущавшие перед всем империалистическим побуждением рабства и варварства, это надежда и моральная опора всех последовательных борцов за свободу и прогресс.

БЕЛГРАД

Юлиан ТУВИМ

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

В сегодняшнюю годовщину дань преклонения воздаю я тем, благодаря кому была возращена к жизни моя родина и опустошенная Европа. Благодаря им — союзам Советского Союза, солдатам Советской Армии — человечество избежало величайшей из катастроф — покорения мира фашистскими варварами.

До сих пор продолжалась бы резня, дымящая бы печь крематория, бесновались бы в неистовстве уничтожения орды злободов, если бы не мощь и невиданная доселе воля к победе, с которыми была прокатилась в историю героическая Советская Армия.

То была мощь не только материальная. Для того чтобы так биться с врагом, нужна была не менее мощная моральная сила. Советские солдаты знали, за что они сражаются, за что погибали. Знали, какова ставка в этой игре. На чаше весов истории лежала судьба народа, судьба тех духовных ценностей, ради которых стоит существовать: добро, справедливость, прогресс, культура, улыбка ребенка...

Лишь солдат, выросший и воспитавшийся в сиянии социалистической идеи, мог с такой самоотверженностью, с таким презрением к смерти гнать врага от Волги до Шпрее.

Советская Армия — армия народная, многонациональная, по идеологически монолитная армия, рожденная в 1918 году в борьбе с немцами, — повернула историю на новые пути. Как гражданская Польской республики я горю тем, что ныне польский солдат связан нерушимым союзом с советским солдатом — они вместе

шли в поход против фашизма, общей была их победа, общими будут пути к единой цели: к миру и справедливости на земле.

Я гряд также тем, что в создании первой дивизии имени Костюшко, организованной на советской земле, дивизии, из которой выросла нынешняя польская армия, выходящую роль сыграла Вацлава Бисмарка, мой товарищ по перу, и что многие мои друзья-писатели пришли к Висле под знаменами этой дивизии именно с востока.

На моем родном языке слово «восток» не только понятие географическое, — оно же мы называем и восход солнца. Я глубоко убежден, что боевое братство наших воинов положило начало братскому единению наших народов, иначе говоря, новой заре в истории Польши. Тот восток, который горит зарей новой, играет знаменательнейшую роль в судьбах моей страны.

Годы войны я провел в Америке, я там, именно там, ежедневно вглядывался в карту военных действий в Европе, я мысленно повторял: «Если они не спасут нас, то никто не спасет нас». Они — это были вы, солдаты Советской Армии. Пристально всего вглядывался я в две точки — Ленинград и Сталинград. И начал постигать глубокий смысл их названий: два великих имени, олицетворяющие жизнь современного мира, дали название двум городам, оборона которых решила судьбу этого мира. Две точки на карте — Ленинград и Сталинград, — словно две огненные красные печати, скрепили приговор фашизму.

Советской Армии, которая освободила мою родину в сплеме человечество, нашему великому вождю, Генералиссимому Сталину, я сын польской земли, вызванный из германских котлов, шлю выражение глубочайшего благоговения!

ВАРШАВА. (По телеграфу).

И. В. СТАЛИН НАВЕЩАЕТ РАНЕНЫХ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ.

Рисунок А. КРУЧИНЫ.

Леоид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Благословенное оружие

«Не стоило бы жить, если бы человечество не озяло звездой социализма, звездой будущего». Эти слова сказаны сорок лет тому назад. Сказал их один из самых стойких солдат великой армии коммунизма — Феликс Дзержинский. Патристическая красная звезда вошла в герб первого государства рабочих и крестьян.

Она стала кокардой на шапке бойца за власть Советов, когда Российская Коммунистическая партия организовала Красную Армию, который суждено стало играть великую роль в новейшей истории человечества. Крещенные седи и молят говорят о братстве трудящихся, вставших в руки оружие для завоевания своего счастья.

В Октябре 1917 года народы России обрели социалистическое отечество. Красная Армия стала его защитницей. Из армии, в кровавых боях отстоявшей от многочисленных врагов завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, история превратила ее в армию всего трудящегося человечества.

Воспоминания славный путь Советской Армии от февральских дней восемнадцатого года, когда ее первые полки остановились вешем под Ивановом, до майского дня сорок пятого года, когда красное знамя вышло над развалинами Берлина... Какой героический, суровый и великий путь!

Все сие сие было на этом пути — внутренняя контрольная, организационная, все эти оккупированные в английские брешни и галфе армии юденичей, депнянских, вражеской: кайзеровские оккупанты на Украине, шотландские стражи на Севере, японо-американские интервенты на Дальнем Востоке, белополяки Пясухского, дачники, петлюровцы, басмачи...

Воспоминан бой на озере Хасан и штурм Восторга. Можно заглянуть много страниц перепеченных военных побед Советской Армии, каждая из которых была ступенью роста ее силы и славы. А сколько беспримерных побед было одержано, сколько миллионов жизней спасла она на земном шаре уже одним тем, что враги мира боялись ее существования! Советская Армия всегда была не только могучей военной, но и величайшей моральной силой современной истории. Такой она стала благодаря тому, что служат самым благородным целям, какие когда-либо ставило перед собой человечество.

В те дни, когда взоры всего мира были прикованы к пылающим развалинам города на Волге и ния его стало знаменем всех сил, противостоящих фашизму: — Сталинград! Сталинград! — радостный советский солдат сказал мне на дощечке переправе у дутора Вертячий:

— Если мы победим фашистов под Сталинградом, никто и никогда не победит коммунизм. Поэтому мы должны победить.

М. СВЕТЛОВ

Солдату!

Я тебя ни разу не покинул — Шел из боя в бой, из года в год Я, познавший, может, половину, Может, четверть всех твоих невзгод.

И под светлым небом братской дружбы, Всей страны дышащем согрете, На военной длаборной службе Ты присяге верен тридцать лет.

Горизонт, окопаны взрытый, Все еще армией следы твои... Это называется — защитой Счастья государства и семьи.

Об этом, О большой стране великих прав Пишут сочинения поэты И написан воинский устав!

Потому мы и победили, потому мы и выиграли битву с фашизмом, которую вели не только за себя, но и за все человечество.

У нас много писали в стихах, в прозе и в повестях о героическом периоде войны с фашизмом, о тяжелых дорогах отступлений, о покинутых городах и деревнях, о разрушенных заводах, о гуртах скота, брезнувших под бомбами на восток... Но стоит вспомнить в прозаическом, чтобы понять, что уже на этих дорогах рождалась наша победа, что испытания закаляли, а не расстраивали нас, что, сжигая элеваторы с хлебом, лишь бы он не достался фашистам, и вывоза тяжелую промышленность на Урал, мы выполняли те преимущества, благодаря которым развернулась пушнина нашего наступления от Волги до Шпрее.

Дорога Сталинград—Берлин... Советские девушки — летом в пыльных пыльных защитного цвета, зимой — в серых ушанках — так же деловито и спокойно выполняли фашистам под Будапештем и Венной, как под Ивановым и Советском. Читатель не обвинит меня в несправедливости — дорога на Берлин шла по черноморскому побережью, через сивяньские болота, венгерскую равнину и австрийские Альпы. Каждый шаг бос, штурмовавший безымянные высоты на правом или на левом фланге великого наступления, входил в Берлин вместе со знаменем победы.

Многие картины подсказывают мне беспокойная память. И помню тишину, внезапно наступившую после напряжения и грохота Сталинградской битвы, продолжавшейся с августа по февраль.

Сталинградская степь была наполнена ослепительным сиянием и гваркающей моральной пылью. Небо было беспредельно голубым и глубоким, лишь на краю горизонта уползала на запад тяжелая, свинцово-серая снежная туча. По степным дорогам, звивавшая, словно огромные грязно-желтые змеи, пили колонны наших фашистов. Они медленно ступали своими солончатыми брасс-вазепками, уткнувшись в землю носом в бабы платки и шарфы, и шли, шли без конца, угрюмые, развалившиеся, молчаливые... В степных оврагах на сборных пунктах наши капитанурмы раздавали им с грузиков хлеб... Если бы солдаты фашизма были доступны в то время какое-либо чувство, то это должно было быть удивление перед человеческим великодушием, возмущением в образе веселых, красноречивых капитанов, бросающих этим «сверхчеловекам» хлеб с грузиков. А, может, и удивления не было... Был только ужас разрыва, обнаженный ярким февральским солнцем в ослепительно-белой сталинградской степи.

... В мае сорок пятого мы мчались в автомобиле по дорогам южной Чехии впереди наступающих наших частей. Мы обогнали обозумевшие от паники немецкие обозы. Немецкие офицеры, завидя нашу машину, на руках перетаскивали свои темерные штатные «мерседесы» с дороги на пустыню и бешено удирали с награбленным барахлом, с которым и в эти минуты у них не хватало сил расстаться. А чешские деревни и городки уже были расчищены флагами Чехословацкой республики, и вырезанные из старых газет и журналов, бережно сохраненные, портреты нашего Сталина были расклеены на стенах домов, выставлены в окнах и на балконах. Да, нам, солдатам Советской Армии, было дано счастье узнать радость освобождения не только своей земли. Мы принесли победу, свободу и мир народам Европы, пострадавшим под пятой фашизма.

И помню городок в южной Чехии, он назывался Леднице, где население оставило наш автомобиль. У памятника жертвам первой мировой войны на крошечной площади стоял почетный караул. Пожилые чешские рабочие держали винтовки и приспущенные национальные флаги. Мы нас прошли дети в ярких народных одеждах, девушки в весенних венках, матери с младенцами и старики в праздничных столах. Это было стихийное выражение чувства освобожденного народа. Они не знали русского языка, они только поднимали кулаки и кричали: Сталин! Ура! — победа обозначала для них возвращение к жизни, труду, свободе, и мы — солдаты Сталина — принесли им эту победу.

Как забыть мне о той чешской матери, которая на площади в Леднице пожелала винтовку нашего бойца?

В наших руках грозное оружие освобождения человечества.

Может быть, именно потому так велика ярость поджигателей новой войны, что они знают существенную разницу между нашим и их оружием. Они хотят поработать. Мы стоим на страже свободы. Они хотят властвовать — мы хотим строить, создавать, чтобы наши народы пользовались плодами мира и цивилизации. Их оружие проклято, наше — благословенно.

Я еще раз вспоминаю слова сталинградского солдата: — никто и никогда не победит коммунизм.

Наша победа не только нас сделала более сильными, чем когда бы то ни было; она и наших друзей научила искусству победы. Вырос и ежесекундно крепнет антиимпериалистический лагерь стран и народов, противостоящий лагерю империалистических государств. Красная звезда будущего озарит борющееся человечество.

Рачия КОЧАР

Единый

советский народ

В последние дни января 1943 года под Сталинградом, в землянке, мы — группа писателей — разговаривали с шестыми немецкими генералами Вальтером Гейлем и фон-Роденбургем. Узнав, что некоторые из нас не русские, фон-Роденбург захотел, видимо, похвалить нас: «Вы оказались верными союзниками русских».

Помню, после этой беседы, веселый смех генерала Николая Таварткиадзе, его слова: «Глушец! — сказал генерал, — этот немец не понимает, что мы не «союзники», а единый советский народ. Этого они никак не поймут, и в этом их слабость».

В рядах Советской Армии дрались все народы нашей Родины. Дружба сделала их неуязвимыми. Оставшая часть советского знамени, каждый из воинов тем самым высоко поднял достоинство своего народа.

Всего полвека назад словами лицемерного сочувствия западные дипломаты ищично намекали на то, что, мол, надо уметь воевать для достижения свободы, а армия, якобы, не умеет воевать.

То была ложь! Эти люди, под маской сочувствия, жаждали крови нашего народа. В русско-персидскую войну 1827 года армия уже показала, что не разучилась воевать после долгих веков. Свое умение воевать они продемонстрировали в русско-турецкой войне 1877 года, и во время первой мировой войны. Они были турецкие орды, нападая в часы успеха, турские при неудаче.

Однако до 1920 года мы чувствовали себя одиноками. Царское правительство намеренно разделяло народы, населяющие страну, разжигало национальную рознь.

С помощью Советской Армии в 1920 году мы выгнали изменников из Армении и получили возможность подлинного национального развития. Страна расцвела, народ ожил. Армянский народ вступил в Отечественную войну, уверенный в дружбе советских народов, а следовательно, и в своей силе. Воины-армяне в рядах Советской Армии, плечом к плечу с братьями русскими, украинцами, казахами, грузинами сражались за социалистическую Родину. Многие удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В селых предгорьях Кавказа, к у стел Ленинграда, и на Днепре, и в Берлине прощали они всюду победоносные советские знамя. Они вошли во дворец престественника бесноватого Гитлера — Вильгельма Гогенштрассера, который в свое время сказал о нашем народе: «Армян всех надо истребить, оставив лишь одного для этнографического музея. Все они — агенты русских».

Да, есть на свете справедливость! Она сыпала на автоматы советских воинов, поднимавшихся на ступени берлинских дворцов. Веками армяне мечтали о свободе. Она пришла к нам с отрядами Красной Армии тридцати лет назад. В рядах этой армии сыны нашего народа сами стали освободителями европейских народов от фашистского рабства.

Нас не запугать ни долларовой атаккой, ни атомной бомбой. У нас в руках несокрушимое оружие — единство и сталинская дружба народов, населяющих страну социализма. С этим оружием Советская Армия была, есть и будет самой сильной армией мира, непобедимой армией социалистического государства.

М. МАТУСОВСКИЙ

Трогательны и сердечны солдатские легенды, рассказывающие о появлении товарища Сталина в самые трудные дни на опаленном огнем правом берегу Волги. В этих омоющих преданиях есть большая

Вот что пишет Олейник о своем детстве: «Семья Олейника Якова Родионовича жила в маленьком хуторке в Луговичах, входившем в село Горбово. Зимой хутор заносило снегом, весной разливало водой разлившиеся Десны. Отец все живяне батрачил. Все члены семьи обычно ходили оборванные и голодные, работая день и ночь лишь для того, чтобы прожить как-нибудь. В этой семье 22 января 1917 года и родился сын — двенадцатилетний, и без того семья была большая, названный его Василий, вот этот Василий и пишет сейчас обо всем пережитом». Летчик оп-

сывает свое детство, рассказывает о своих университетах. Так постепенно мы знакомимся с неслладкой и трудной жизнью червевенского паренька, восьмого по счету в большой батрацкой семье. «Отец мой был инициатором раздела земли между бедня-

Ты на знаменах своих хранила
 Прозную память военных дней.
 Ты, как жедею, прошла горнило,
 Стала выносливей и сильней.
 В час, когда ты в города вступаешь,
 Идешь через пламя и полный рост.
 Столько салютов тебе сияло,
 Сколько на тебе бывало звезд.
 Ты наступала на горных склонах,
 В самых тяжелых прошла местах
 С образом Ленина на знаменах,
 С именем Сталина на устах!

РЕЙХСТАГ ВЗЯТ.

Худ. И. КРИВОНОГОВ (студия писни Грекова).

Посмотрите газеты и журналы 1947 года. Редко, редко встретишь в них стихи о послевоенной армии. По инноватам в этом сами поэты. Они порвали связь с армией, перестали писать о ней. Оружьи и армейские газеты и журнал «Советский воин», зная запросы своих читателей, уделяя большое место стихам. К сожалению, произведения, появлявшиеся там, не отвечают главной задаче Советской Армии послевоенного времени—воспитанию молодых воинов. Стихи, в основном, посвященные юбилеям или воспоминаниям о «смунивших днях». Такие стихи нужны, но они не исчерпывают всего круга тем, требующих внимания поэтов.

Мы можем гордиться тем, что лучшие деятели чешской литературы, искусства в науке, как, например, Станислав К. Нейман, Антония Сова, Ян Олбрахт, Мария Майерова, Засек Неядлы, Йозеф Гора, Иржи Волкер, Витязслав Неваля и десятки других, тогда уже появились, что советский народ, под руководством большевистской партии, героически борется за светлое будущее всего человечества.

После мюнхенского предательства и ужасов десятилетия гитлеровской оккупации для всех нас пророчески звучат слова открытого письма поэта Станислава К. Неймана «Легонерам-коммунистам», написанного еще в 1920 году и опубликованного в журнале «Червек»:

«Сохраните свои убеждения во что бы то ни стало! Верьте, что только социалистическое государство может спасти пролетариат, а также и наши народы.

Вы боретесь за свободную Чехословацкую республику, вы знаете, что если не победит революционный социализм, то наши народы станут вассалом международного капитала, и наша республика будет в ближайшей войне разгромлена».

Я мог бы привести десятки подобных примеров из книг чешских мастеров культуры. Понимая, что союз с новой, социалистической Россией обеспечит будущее Чехословакии, они стали достойным авангардом своего народа.

Нелегко им приходилось в те времена. До 1935 года за воласты: «Да здравствует Красная Армия!», «Да здравствует Советский Союз!» рабочих судили по законам об охране республики.

В течение семнадцати лет были под запретом доброжелательные сообщения о СССР, рабочим и прогрессивной интеллигенции не давали возможности ездить в Советский Союз. В заграничные паспорта полиция даже вписывала, на всякий случай, фразу: «Во все страны Европы, кроме СССР».

Сколько раз Юлиус Фучик попадал в тюрьму за свои доклады о силе СССР и его значении для нашей безопасности!

История показала, что правда была на стороне наших мастеров культуры, наших рабочих, нашего народа. История показала, что наш народ осуществил боевой союз с СССР и Советской Армией задолго до того, как этот союз был подтвержден договорами. История показала, что честные люди, которых тогда сажали в тюрьмы за возглас «Да здравствует Красная Армия!», были истинными патриотами, так как они предавали предательство собственной буржуазии, сговор ее с мятежниками и верили в дружбу Советского Союза.

В 1939 году, после оккупации нашей страны, гитлеровцы расклеили пропагандистские плакаты с изображением немецкой автострады, которая будет проходить из Вены через Прагу до Берлина. Ночью чешские патриоты написали на этих плакатах: «Все равно, по ней пойдет Красная Армия».

Это написали те, кто всегда славил Красную Армию. Это сделали люди, которые давно уже мысленно представляли себе советские танки, стоящие сейчас на высоком пьедестале на одной из площадей Праги, как памятники победы.

Советский танк на пражской площади! Чешские опыты и материально-технические подходы к войне с фашизмом — это символ не только героизма Советской Армии в борьбе против фашизма, — он говорит о том, что благодаря победе советских войск наш народ смог по своему желанию свободно строить жизнь на собственной земле.

Только благодаря тому, что «освобождение наших народов и восстановление нашей государственной независимости пришло с востока, что нашу национальную свободу и государственную независимость принесли нам Советская Армия и Советский Союз под водительством гениального полководца и государственного деятеля Сталина» (Готвальд), наша родина избежала «заботы» чернильцев, безновов и маршалов, результаты которой мы с чувством ужаса и отвращения наблюдаем в Греции.

Однако, к сожалению, и у нас еще находятся людишки, которые вероломно пытаются унизить в глазах народа и преуменьшить исключительную заслугу Советского Союза и его армии в деле освобождения Чехословакии.

Это — гнусные клеветки из различных грязных бульварных листов, главным образом из пашононально-социалистической печати, которая, не задумываясь, публикует статьи вроде: «Безин за свободу Европы» или «О советском империализме». Заодно с ними выступает Фердинанд Петручка, старый антикоммунистический зубр, скрывающийся ныне под маской демократа. В момент, когда Чехословакия угрожала непосредственной опасностью со стороны гитлеровской Германии, эта «знаменитость» писала в одной из своих статей: «Каким бы внешнеполитическим и внутренне потребностям и интересам ни служили Советскую Россию с некоторыми демократическими государствами на поле диалогизма, на фронте свободы мы не стоим вместе...»

Этот, с позволения сказать, публицист, оскорблявший в течение многих лет Советскую страну, вылавливший злобной ненавистью ко всему советскому, печатавший статьи любых предателей и ренегатов, сейчас счел возможным опубликовать в журнале «Днешек» подлую статью, в которой оспаривал роль Советской Армии в освобождении Праги.

Клевветническое выступление Пероутка вызвало отпор со стороны всей прогрессивной чешской общественности и заставило четырех советских офицеров, участников освобождения Праги, написать письмо в журнал «Днепек». Но «Днепек» письма не печатал. Когда же письмо советских офицеров было опубликовано в других журналах, «Днепек» разразился грубой бранью. Таковы нравы «демократов» из «Днепека», всегда и всюду кричащих, что они — «защитники свободы».

Вся эта история принесла все же свою пользу: она помогла народу разглядеть, кто его враги, что они замыслили и кто этим врагам помогает.

Да, наш народ отстоял свою любовь к СССР, как и в те времена, когда реакция держала власть в своих руках, когда преследовали людей, открыто выражавших восхищение Советским Союзом и его армией.

Тридцать лет существует Советская Армия. В какого победоносного гиганта превратилась она за эти годы! Нет уголка на земном шаре, откуда не были бы ей устремлены глаза, полные любви и восхищения.

Наш народ любит Советскую Армию, свою освободительницу. Эта любовь выросла в борьбе, на одной линии фронта, в одних и тех же окопах, в одних и тех же атаках против общего врага — империализма. И из этой борьбы, из этой борьбы

Пусть живет и крепнет Советская Армия на радость всем честным людям и на горе поджигателей войны, угнетателей народов и их прислужникам!

ПРАГА.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 15

И. КОЧЕРГА

Пьеса о полководце

В ночь на 6 ноября 1943 года генерал армии Ватутин разговаривает по телефону с Москвой.

— Почему ты не спишь? — спрашивает он свою маленькую дочурку.

— Весь дом не спит, — отвечает девочка, — ждут освобождения Киева.

Чудесному подвигу, которого с нетерпением ждала в те дни вся наша страна, и его герою, сталинскому полководцу Вату-ну, посвящена пьеса украинского поэта Леоновича Диничко. Автор сам был свидетелем и участником исторических боев за Киев, и нужно отдать ему должное — сумел передать читателям и зрителям непосредственное ощущение историче-ских событий, сумел создать правдивый, образный образ полководца и бойца, человека, скромного и душевного в личной жизни, вдохновенного и отважного в сра-жении.

га в бою, безадаптно верящего в непобедимость гениального сталинского плана.

Ватутина знает, на какой риск он идет, выдвигая в разгар боя за Киев дерзкий план овладения городом. Он прекрасно понимает, какую серьезную ответственность несет он в этот решающий момент перед Родиной, и все-таки сознательно выбирает наиболее сложный и светлый путь для решения стратегической задачи. Это и является основным драматургическим конфликтом пьесы Я. Дмитерко.

Есть в драме и противодействующая сила: академик, генерал-лейтенант Касьянов всеми способами отговаривает Ватутина от осуществления его «безумного» плана. Но полковник-новатор верит в свою правоту, не отступает перед непогрешимыми будто бы аргументами всеми познанными авторитетами.

Действующих лиц в пьесе много, некоторые из них появлялись ненадолго. Но все они очерчены точно и четко, их не схватили в памяти после того, как закроешь книгу или уйдешь из театра. Долгим объяснением проникнута как будто незатейливая фигура девушки-сиротки, которая скрывает свой юный возраст и платит с дотации, что не может ничего поделать с прокатной отсылкой, мешавшей боевым операциям Ватутина.

«Генерал Ватутин» — это пьеса, написанная с искренним волнением. Она уже выдержала испытание на сцене Харьковского театра имени Шевченко, зритель ее принял и полюбил — и за искреннее, идущее к сердцу слово, и за прекрасный образ освободителя Киева — генерала Ватутина.

ми по-родственному близок нашей поэзии, и в этот день особенно остро чувствуется наш долг перед армией. Государство живет величайшей героинкой мирного созидательного труда под неусыпной охраной наших вооруженных сил. Армия несет свою службу, совершенствуя боевое мастерство. В нее придет новое пополнение, не закаленное боевым опытом. Поэзия должна помочь воспитанию молодого солдата. Пусть он почувствует в стихах романтику и строгую правду боя, пусть полюбит свое оружие, принятое из рук славных воинов. Жужжи стихи и песни о ветеране и допризывнике, о солдате и офицере. Советская поэзия с особым чувством долга должна служить делу укрепления боевого могущества нашей Родины.

Л. ЛЕОНОВ

БЕССМЕРТИЕ

Мы стоим на грёбе. Отсюда денниская мечта в расстоянии одного перехода. Самые гордые вершины истории представляются лишь холмами с такой высоты... Там, внизу, парат орлы, рождаются ручьи и зреют горы. Еще ниже sea, под нами, обширная, из края в край пропенная, долина, — старый мир, распаханый границами, взрытый трашеами былых сражений, усеяный кладбищами погибших творений и несуществующими порывов. Старый мир... Одинокие святые высятся среди этого вызывающего скорбь и размышления пространства. Оплаченных такой кровью, их не так уж много сохранилось для потомства. Поражаешь количеству трудовой, затраченных хотя бы морем на обточку прибрежного гольца, люди всегда забывали, сколько их собственных усилий и творческого вдохновения вложено в лобую, привычную руке и глазу, облодную мелочь, не говоря уже о высочайших созданиях человеческого духа. Они почти берегли свое, самое дорогое на свете. Как часто след за гением и творцом приходил варвар и хам, угонявший человечество назад, к Атланти; тараном, железом и огнем он крушил хранилища людской культуры, являя на живучесть мысли и крепости камня, которых его божество не умело раз'ять на атомы, обратить в первородную глину. На протяжении веков постоянно в какой-нибудь части этой долины являл в небо дымы погрома. Называюхонсор стирал древний Тир с лица планеты, и две с половиной тысячи лет спустя Гаттар обрушивается на русский Новгород. Дикарусую дубину сменяет меч, на смену тогу торжества атом.

Светлейшие умы давно заметили, что возрастающие производственные возможности человека при капитализме становятся арсеналом самоистребления; они пони-

малы также, что если разум не вмешается в стихийный ход вещей, произойдет самовозрождение цивилизации. Очередной поработитель на следующей фазе технического могущества просто подымет в воздух прекрасную, беззастыдную мирскую красоту вместе со всей ее начинкой. Молекулярной пыли, новым геологическим слоем она оседает на морщинистую кожу земли, и будущему археологу, если такой заявится с чужой планетой, легче будет найти Позовнов мамонта либо топор питекантропа, чем даже тщательно запоминание о несостоявшихся палеобобах двадцатого столетия.

Этого завершающего пессимистического апофеоза не случится. Ненстребима жизни, бесстрашии и зоркой человек. Смотрите, как приметные тропки вытесняются, в поисках направления, на горизонте. Следы зачинателей, каждый порознь, еще различимы на них. Они ширятся и сливаются в одну столбовую дорогу. Она все прямее, по ней идут люди, из много. Горстка смеельщиков превращается в лавину энтузиастов. Их пытаются остановить угрозы и диверсии, интервенции и блокады,—скажешь все это они проходят с песней, как сквозз дым. Их с каждым годом становится больше; после каждого потрясения все новые отряды примыкают к ним—областники, державники и в будущем, кто знает, может быть, даже целыми материками, если народы позволят злодеев напоить себя из дельской чашы заключительной войны. Все чаще люди будут обращаться к единственному, социалистическому якорю спасения. Живое хочет жить. Мечта делается исторической необходимостью. Человечество надоедо быть рындее богаче, которые куском хлеба, хлыстом и просто выстрелом в затылок гонят его в самую бездонную из бездн.

Под ударами врагов родилась наша армия. Мы все вышли из ее рядов, и пусть каждый вспомнит сегодня своих товарищей, с которыми плечом к плечу начинал свой знаменитый тридцатилетний поход от Зимнего дворца до дворца германского рейхстага. По своим дарованиям и заслугам они тоже могли бы стать кичом маршалов, разглагольщиками природы, мастерами и полководцами социалистической индустрии. Они не отзовутся на нашей переключке, они никогда не увидят своей преобразованной Родины, они пали на полпути к великой славе... То была пора гнева и предельной материальной скудости, но мы были богаче всех: перемешанные червонцы юности зрели в наших песнях. На восемь человек печатников и слепых в моей крохотной походной типографии приходилось две табачки, три шинели да кожаная куртка, одна; остальные шли пешком, кутались во что придется или даже накрывались одеялом от морозного сивашского сквозняка. Но нам было тепло, — люди грелись тем зном, который весил в себе; его хватало и на то, чтобы отогреть уставших...

Эх, если бы тот скромный, милый и веселый Егор Милыков, с которым в памятные розовые зимние утра мы перешагивали Сиваш, мог вот так же, плечом к плечу, простоять со мною торжественный московский парад Победы, когда боевые знамена старого мира, самые злые — со своего, упали и положно махволен, когда тысячекратная дрожь восхищения пролила душу и в юнионский полдень друг холодно стало на Красной площади от количества быстходеной, отовсюду нахлынувшей военной стапал... Это чувство выше любого ордена, который может украсить простреленную грудь солдата Революции. Но страна шла вперед, на каждом победном рубеже оставаясь с тем, что зал на поле брани. Они остави-

лись лежать, обхватив руками родную землю, которую так любили. Они умирали не напрасно, — из каждой кровинки их, как в сказке, поднялось по новому солдату. Вот ваша родословная, победителя Ласаса и Халин-Гола, Кемистберга и Берлина. Вспоминала легендарные племена Фрунзе и Чаяла и тех командиров советского государства, чей прах погребен в стене кремлевской, мы не забыли и тебя, бесвестный рябой Гей Мьялков!

Это были сильные, отборные, военные, закаленные в лиственных бойцах. Они дрались так, словно тела их были из ада и камня, а сердце из союзи. Они знали и передали своим смелым тантешеские секреты победы, из которых первый состоит в том, что в войне жестоко суровость к себе пужна в той же стесненности, как и несправедливость к врагу, а второй — что каждая большая схватка кончается рукопашной, и в ней одолевает тот, в ком жарче пламень веры: есть нечто несравненно урановой руды... Они укирали не напрасно: кровь героев занимает первое место среди тех благородных, естественных и духовных материалов, из которых строится величие страны. Подобно тому, как добавка редчайшего металла придает особую прочность стали, так и кровь этих вошла в нашу нынешнюю армию и молодую музыкальную технику. Дыхание героев пропитан наш ветер и самая вода полна рек; их верность Родине влилась в клетку нашего разума и стала мудростью советской молодежи. Она живет, чтобы пролечь их бессмертную жизнь и довершить их дело, охранять на земле источник жизни. И в годы, когда в отдалении смертоносная гроза и антрепрены смерти хотели бы затеять матч боясь в атомных печатках, воспоминание о мертвых героях имеет действие прасги.

Вечная слава героям, павшим за честь, свободу и независимость нашей непобедимой Родины.

Принцип большевистской партийности в литературе сочетается непримиримостью по отношению ко всему, что враждебно делу социализма, с бережливым, хозяйским подходом к литературе, с умением поддерживать ростки нового, передового, видеть всю конкретную сложность процесса литературного развития, отделять передовое от отсталого.

Принцип большевистской партийности требует от каждого, кто хочет работать в трудной области литературной критики, страстной любви к родной литературе, глубокого чувства своей личной ответственности за все хорошее и плохое в ней, за творческую судьбу каждого советского писателя, особенно молодого, нуждающегося в помощи и совете. Только такая творческая любовь может осветить, сделать плодотворной и невинной ко всем чудным и враждебным влияниям в литературе, ко всему тому, что мешает движению нашей литературы вперед.

Как чужды партийному отношению к литературе, к труду художника критики с рыбой кровью, наблюдающие со стороны! Для них советская литература не является кровным, родным делом, а служит лишь поводом для холодных поучений, для демонстрации ведома стоящего «остроумия» или для внешней, наигранной «страстности», за которой скрывается все тот же холод, отсутствие живого человеческого чувства, равнодушие.

Одним из проявлений равнодушного, безответственного отношения к литературе является заушательская критика, стремящаяся во что бы то ни стало «разнести», «уничтожить», «разгромить» произведение.

Статья газеты «Культура и жизнь» под названием «Дубинка вместо критики» сыграла большую положительную роль, раскрыв на конкретном примере и осудив сущность и приемы заушательской критики. Написанная по поводу статьи критика О. Резникова о повести молодого писателя В. Добровольского «Трое в серых шинелях», статья газеты «Культура и жизнь» подчеркнула всю нецелесообразность такого рассмотрения литературного произведения, при котором игнорируется вопрос о жизненности произведения, о том, отражены ли в нем реальные неповторимые черты нашей социалистической действительности, новые человеческие отношения, характеры, чувства. Вместо того, чтобы поддержать молодого писателя в его стремлении передать атмосферу жизни нашей молодежи, советского вуза, помочь автору понять свои сильные и слабые стороны, критику затерли, «уничтожили» целиком все произведение, исходя при этом из схоластических критериев, наивно оторванных от живой действительности. Такая недобросовестная критика, как указывает редакция газеты «Культура и жизнь», может лишь отпугнуть писателей от актуальных тем современности.

Своевременность выступления газеты «Культура и жизнь» подчеркивается тем, что приемы заушательской критики далеко не всегда встречают осуждение и культивируются некоторыми критиками. Ведь мог же иметь место печальный факт, заключавшийся в том, что упомянутая статья О. Резникова перед ее напечатанием обсуждалась комиссией по журналам и издательствам Союза советских писателей и, к стыду этой комиссии, была единодушно одобрена.

Некоторые критики испытывают какое-то особое удовлетворение, подвергая грубому «разносу» произведение молодого писателя.

В трех книжках журнала «Октябрь» (№ 10, 11 и 12 за 1947 год) напечатан роман Евг. Поповкина «Семья Рубанюк».

Это произведение в нашей печати, в том числе и в «Литературной газете», к сожалению, еще не нашло оценки. Но зато уже нашлась критика, который подверг его уничтожающему разносу.

«Кривое зеркало» — так назвал свою статью о «Семье Рубанюк» критик С. Иванов («Вечерняя Москва»).

По утверждению критика, в романе мы «видим искаженные образы большевиков, не способных выплыть на массу, воспитывать ее». Далее выдвигается обвинение в том, что патриотизм героев повести «не наш, не советский». Оба обвинения подкрепляются несколькими выхваченными из контекста цитатами. И — готов конечный вывод, в котором звучит нескрываемое злободневство: «Полнейшая неудача — и по содержанию и по форме — постигла роман Евгения Поповкина». Словом, — «кривое зеркало»...

А между тем, кривым зеркалом является не роман Евг. Поповкина, а статья С. Иванова.

В «Семье Рубанюк» много ценного, жизненно верного. В романе есть поэтический образ украинской деревни, далкой, прочной, уже накопившей свои традиции, колхозной жизни. Критик не пожелал или не смог поставить главный вопрос: отражает ли роман какие-либо новые стороны нашей действительности, еще не открытые литературой. Если бы критик хотел добросовестно исследовать произведение, а не пшел заранее поставленной цели «уничтожить» его, он увидел бы, что «Семья Рубанюк» затрагивает новую большую тему нашей действительности: рост колхозной интеллигенции, тесно связанной со своим селом, стремящейся использовать свои знания в своем колхозе, где прошлым детством и юностью героев. Таков Петр Рубанюк, сын талантливого колхозного садовода, в прошлом — батрака. Окончив сельскохозяйственную академию, Петр возвращается в родное село, мечтая о благородном труде садовода, акриментатора, новатора. Небеса Петра Оксана, окончившая сельскую десятилетку, обладающая серьезной для своих лет эрудицией, стремится стать врачом. Глубокая серьезность, жажда знания, благоговейное и творческое отношение к науке, чистота и цельность натуры, скалывающиеся в труде, и в светлой молодой любви к Петру. — все это хорошо, правильно передано автором в нарисованном им портрете украинской сельской девушки, выросшей в годы предвоенных сталинских пятилеток.

Отец Петра Рубанюк — колхозный садовод-мичуринец: старший брат Петра, Иван, — офицер, полковник; невеста, а затем жена Петра, Оксана, — будущий сельский врач; сам Петр — начинающий агроном, — такова семья Рубанюк. Семья новой колхозной интеллигенции. Где, в каком произведении читал об этих новых явлениях нашей колхозной жизни критик С. Иванов?

Скромность, правдивость, поэтичность рисунка, прелесть национального украинского колорита, характеры, пейзажи, сочетание народности, простоты с поэтической интеллигентностью в образах героев, чистота их морального облика, их представлений о жизни, труде, дружбе, любви; точность, жизненность диалогов — таковы несомненные достоинства романа Евг. Поповкина.

Как же мог критик остаться равнодушным ко всему этому — и к картине жизни украинского села перед войной, и к новым темам романа, и к тому, что все, изображенное в романе, присуще только нашей социалистической действительности.

Совершенно надуманным, фальшивым является обвинение романа в том, что он дает «искаженные образы большевиков». Автору как раз очень удалось фигура секретаря райкома Бутенко. Прочитав «Литературную газету» т. Свердлов в Хонина, приславшие в редакцию письмо, в котором они высказывают свое возмущение заушательской статьей С. Иванова. Они подробно разбирают роман Евг. Поповкина и, в частности, отмечают удачные образы большевиков, в том числе Бутенко: «Руководство районом со стороны секретаря райкома партии Бутенко в мирной обстановке — подлинно большевистского стиля. Бутенко пользуется непрерывным авторитетом среди всего окрестного населения. К нему обращаются не только по служебным вопросам, но и за советами в личных делах; он хорошо знает жизнь не только колхозов в своем районе, но и каждого колхозника благодаря живой, повседневной связи с массами, благодаря тому, что он и сам живет их жизнью, радуется и печалится вместе с ними. И когда всматривается Великая Отечественная война, Бутенко возглавляет в районе партизанское движение».

Столь же надуманным, высосанным из пальца является и обвинение в том, что патриотизм героев «Семьи Рубанюк» «не наш, не советский патриотизм». Весь роман настолько проникнут именно советским, социалистическим характером всех отношений между людьми, всего стиля их жизни, их поведения, что источник их героизма в годы Отечественной войны, их любви к Родине ясен любому непредубежденному читателю.

В романе Евг. Поповкина много художественных слабостей. «Военная» часть романа слабее «предвоенной». Автору нужно еще много работать и над языком своих произведений, и над выработкой своего стиля, своих интонаций.

Но вместо серьезного разбора достоинств и слабостей обвинять роман «кривым зеркалом» можно только при полном равнодушии к литературе, к судьбе молодого писателя. И только отравляя читателя реальностью жизни и отсутствием интереса к ней может продиктовать такую статью.

Мы подробно остановились на статье С. Иванова потому, что она типична для заушательских методов критики. Не так давно в газете «Московский комсомолец» была опубликована клеветническая повесть Яны Гайзер «Вот мы и дома...», написанная в журнале «Звезда», только на том основании, что в повести изображен морально разложившийся молодой человек. Преступит, главным образом, молодежь, а только один из персонажей является отрицательным. Но этого для заушательской критики оказывается достаточно, чтобы обвинять автора в «клевете на молодого советского человека»!

Знаменитой резкой по своему тону была статья И. Гринберга о повести А. Чаковского «Мирные дни», напечатанная в «Литературной газете». «Мирные дни» — третья часть трилогии. Первые части — «Это было в Ленинграде» и «Лиды» — вызвали большой интерес у читателей. Правильно оценивая повесть «Мирные дни» как неудачу писателя, критик должен был подвергнуть рассмотрению всю трилогию А. Чаковского в целом.

Большую роль в подеме качества нашей литературной критики, в ее активизации, в борьбе с ее слабостями и недостатками могла бы сыграть комиссия теории литературы и критики Союза писателей, призванная являться одним из боевых, передовых идеологических центров нашей литературной общественности. Однако эта комиссия живет в стороне от творческой практики советской литературы. Она не ставила ни одного серьезного, принципиального вопроса перед писателями и критиками, не сигнализировала ни о положительных, ни об отрицательных явлениях нашей литературы, критики и литературоведения. Комиссия не играет никакой роли в мобилизации критиков и рецензентов для активного участия в нашей печати, не помогает выдвиганию новых кадров критиков, не воспитывает критиков в духе большевистской принципиальности.

Союз писателей должен всерьез заняться вопросами работы комиссии по критике и критико-библиографическим отделам наших литературно-художественных журналов.

становке — подлинно большевистского стиля. Бутенко пользуется непрерывным авторитетом среди всего окрестного населения. К нему обращаются не только по служебным вопросам, но и за советами в личных делах; он хорошо знает жизнь не только колхозов в своем районе, но и каждого колхозника благодаря живой, повседневной связи с массами, благодаря тому, что он и сам живет их жизнью, радуется и печалится вместе с ними. И когда всматривается Великая Отечественная война, Бутенко возглавляет в районе партизанское движение».

Столь же надуманным, высосанным из пальца является и обвинение в том, что патриотизм героев «Семьи Рубанюк» «не наш, не советский патриотизм». Весь роман настолько проникнут именно советским, социалистическим характером всех отношений между людьми, всего стиля их жизни, их поведения, что источник их героизма в годы Отечественной войны, их любви к Родине ясен любому непредубежденному читателю.

В романе Евг. Поповкина много художественных слабостей. «Военная» часть романа слабее «предвоенной». Автору нужно еще много работать и над языком своих произведений, и над выработкой своего стиля, своих интонаций.

Но вместо серьезного разбора достоинств и слабостей обвинять роман «кривым зеркалом» можно только при полном равнодушии к литературе, к судьбе молодого писателя. И только отравляя читателя реальностью жизни и отсутствием интереса к ней может продиктовать такую статью.

Мы подробно остановились на статье С. Иванова потому, что она типична для заушательских методов критики. Не так давно в газете «Московский комсомолец» была опубликована клеветническая повесть Яны Гайзер «Вот мы и дома...», написанная в журнале «Звезда», только на том основании, что в повести изображен морально разложившийся молодой человек. Преступит, главным образом, молодежь, а только один из персонажей является отрицательным. Но этого для заушательской критики оказывается достаточно, чтобы обвинять автора в «клевете на молодого советского человека»!

Знаменитой резкой по своему тону была статья И. Гринберга о повести А. Чаковского «Мирные дни», напечатанная в «Литературной газете». «Мирные дни» — третья часть трилогии. Первые части — «Это было в Ленинграде» и «Лиды» — вызвали большой интерес у читателей. Правильно оценивая повесть «Мирные дни» как неудачу писателя, критик должен был подвергнуть рассмотрению всю трилогию А. Чаковского в целом.

Большую роль в подеме качества нашей литературной критики, в ее активизации, в борьбе с ее слабостями и недостатками могла бы сыграть комиссия теории литературы и критики Союза писателей, призванная являться одним из боевых, передовых идеологических центров нашей литературной общественности. Однако эта комиссия живет в стороне от творческой практики советской литературы. Она не ставила ни одного серьезного, принципиального вопроса перед писателями и критиками, не сигнализировала ни о положительных, ни об отрицательных явлениях нашей литературы, критики и литературоведения. Комиссия не играет никакой роли в мобилизации критиков и рецензентов для активного участия в нашей печати, не помогает выдвиганию новых кадров критиков, не воспитывает критиков в духе большевистской принципиальности.

Союз писателей должен всерьез заняться вопросами работы комиссии по критике и критико-библиографическим отделам наших литературно-художественных журналов.

становке — подлинно большевистского стиля. Бутенко пользуется непрерывным авторитетом среди всего окрестного населения. К нему обращаются не только по служебным вопросам, но и за советами в личных делах; он хорошо знает жизнь не только колхозов в своем районе, но и каждого колхозника благодаря живой, повседневной связи с массами, благодаря тому, что он и сам живет их жизнью, радуется и печалится вместе с ними. И когда всматривается Великая Отечественная война, Бутенко возглавляет в районе партизанское движение».

Столь же надуманным, высосанным из пальца является и обвинение в том, что патриотизм героев «Семьи Рубанюк» «не наш, не советский патриотизм». Весь роман настолько проникнут именно советским, социалистическим характером всех отношений между людьми, всего стиля их жизни, их поведения, что источник их героизма в годы Отечественной войны, их любви к Родине ясен любому непредубежденному читателю.

В романе Евг. Поповкина много художественных слабостей. «Военная» часть романа слабее «предвоенной». Автору нужно еще много работать и над языком своих произведений, и над выработкой своего стиля, своих интонаций.

Но вместо серьезного разбора достоинств и слабостей обвинять роман «кривым зеркалом» можно только при полном равнодушии к литературе, к судьбе молодого писателя. И только отравляя читателя реальностью жизни и отсутствием интереса к ней может продиктовать такую статью.

Мы подробно остановились на статье С. Иванова потому, что она типична для заушательских методов критики. Не так давно в газете «Московский комсомолец» была опубликована клеветническая повесть Яны Гайзер «Вот мы и дома...», написанная в журнале «Звезда», только на том основании, что в повести изображен морально разложившийся молодой человек. Преступит, главным образом, молодежь, а только один из персонажей является отрицательным. Но этого для заушательской критики оказывается достаточно, чтобы обвинять автора в «клевете на молодого советского человека»!

Знаменитой резкой по своему тону была статья И. Гринберга о повести А. Чаковского «Мирные дни», напечатанная в «Литературной газете». «Мирные дни» — третья часть трилогии. Первые части — «Это было в Ленинграде» и «Лиды» — вызвали большой интерес у читателей. Правильно оценивая повесть «Мирные дни» как неудачу писателя, критик должен был подвергнуть рассмотрению всю трилогию А. Чаковского в целом.

Большую роль в подеме качества нашей литературной критики, в ее активизации, в борьбе с ее слабостями и недостатками могла бы сыграть комиссия теории литературы и критики Союза писателей, призванная являться одним из боевых, передовых идеологических центров нашей литературной общественности. Однако эта комиссия живет в стороне от творческой практики советской литературы. Она не ставила ни одного серьезного, принципиального вопроса перед писателями и критиками, не сигнализировала ни о положительных, ни об отрицательных явлениях нашей литературы, критики и литературоведения. Комиссия не играет никакой роли в мобилизации критиков и рецензентов для активного участия в нашей печати, не помогает выдвиганию новых кадров критиков, не воспитывает критиков в духе большевистской принципиальности.

Союз писателей должен всерьез заняться вопросами работы комиссии по критике и критико-библиографическим отделам наших литературно-художественных журналов.

Предатель Гонсалес Видела

Фашистский диктатор Чили Гонсалес Видела подписал ордер на арест поэта Пабло Неруды. Северамериканские сыщики, приглашенные для «охоты на коммунистов» Чили, уже рыщут по следам поэта, устранив обыски и засады. Поэт и сенатор коммунист Пабло Неруда — один из самых популярных литературных и общественно-политических деятелей не только Чили, но и всей Латинской Америки. Имя автора «Песни о Чили», «Испания в сердце», «Песни любви о Сталине» широко известно и в Европе. Пабло Неруда мужественно и открыто борется за национальную независимость стран Латинской Америки и прежде всего Чили. Он смело разоблачает поджигателей новой мировой войны, срывает маски с ласковых ласок, угождающих выполняющих любые требования североамериканского капитала.

В одной из своих поэм Неруда писал: Я говорю о том, что существует, Моей боготворимой мечте!

Правдивое слово поэта-патриота разит врагов чилийского народа. Он призывает

Империалисты США диктуют условия

В эти трагические дни разгрома фашистского террора в Чили мой долг состоит в том, чтобы по возможности ясно и полно осветить политическую ситуацию, сложившуюся в стране.

Перехожу к фактам. Нынешний чешин антикоммунизма, президент республики Габриель Гонсалес Видела пригласил в свое первое правительство трех министров-коммунистов. Гонсалес неоднократно заявлял руководству коммунистической партии, что, если бы компартия не приняла его предложение войти в правительство, он отказался бы от поста президента.

Представитель коммунистической партии был в правительстве худшей всех прогрессивных мероприятий, направленных на выполнение программы, обещанной президентом народу. В своей работе он сталкивался с невероятным количеством трудных проблем и разрешал многие из них. Министры-коммунисты проводили левую политику и открыто отчитывались в своей деятельности.

Эта новая народная политика придалась не по вкусу чилийской помещичье-финансовой олигархии, которая стала все больше и больше прибавлять к рукам Гонсалеса Видела, оказывая на него решающее влияние. С другой стороны, агенты империалистов США, иная, точнее говоря, всемогущие чилийские представители — «Компания Гутенгейм», «Чили экспортеры», «Анаколада копер», «Андрэ-Чилина и другие, также не терпели эту политику. Представители этих фирм, контролируемые всю горнодобывающую промышленность страны, окружали особым вниманием только что избранного президента.

Под этим воздействием Гонсалес Видела резко меняет тактику по отношению к империалистам-коммунистам. Он всячески затрудняет их деятельность, строит всевозможные козни в попытке, пытается столкнуть компартию с другими партиями. Коммунисты поняли новую тактику президента. Оставаясь в правительстве, они приняли вызов реакции и, разоблачая эгоистические интриги, предостерегая, что смутит таким путем добиться разрешения неотложных экономических проблем. Однако все их попытки оказались бесплодными.

Это был один из первых шагов Гонсалеса Видела на пути предательства. Истинная причина удаления из правительства коммунистов, которых сегодня преследует в трагичности, состояла в том, что он провалился империалистам и выполнял их директивы.

18 июня 1947 года Гонсалес Видела беседу с корреспондентом лондонской газеты «Ньюс-кроник». Вот что написал корреспондент об этой беседе: «Президент Чили Гонсалес Видела полагает, что война между Россией и Соединенными Штатами Америки начнется в ближайшие три месяца. Нынешние политические условия страны — внутренние и внешние — базировались на этом предположении.

Президент указал также, что неизбежность войны определяет и его позицию по отношению к чилийским коммунистам, с которыми он имеет особые счеты. Гонсалес Видела заверил, что Чили будет сотрудничать со своим могучим соседом — Соединенными Штатами. А когда начнется война — поддержит США против России».

Перед тем, как в стране произошли общественные события, в Сантьяго побывали специальные дипломатические агенты США, командированные непосредственно государственным департаментом. В разговорах с президентом они поставили перед ним дилемму: или безоговорочное подчинение, или экономическая разруха. В этих закулисных переговорах и сдвехах особую роль играли чилийский посол в Вашингтоне Нинето дель Рио, старый фашист и дипломатический приспособленец, и главнокомандующий чилийской армией генерал Барнос Тирадо. Их холопское раболепие перед американскими монополиями общеизвестно.

Одновременно в Чили понаехали различные представители крупных монополий США. Среди этих дельцов первого плана, представляющих интересы Уолл-стрит, следует назвать мистера Станларда и его экспертов Хиггинса и Гоббенса. Эти визиеры получили все, чего добивались. По их требованию началось немедленное преследование коммунистов, ликвидация профсоюзных и демократических завоеваний, достигнутых терпеливой и длительной борьбой рабочего класса.

Философия изменника

Нынешнего президента я знаю очень давно. Наши личные взаимоотношения имеют долгую историю. По его просьбе я возглавлял национальный комитет про-

Пабло НЕРУДА

народы Латинской Америки создать единый фронт против империализма.

Известно, что поводом для ареста Пабло Неруды послужила его последняя статья, опубликованная почти во всей латиноамериканской прессе, за исключением лишь чилийской. Разоблачая суть нынешней фашистской политики правительства Чили, поэт назвал Гонсалеса Видела «политическим изменником, предавшим интересы народа».

Весь о гнусном приказе об аресте Пабло Неруды облетела весь мир. В Латинской Америке, где чилийский поэт по праву называется «совестью Америки», гордостью ее народов», создаются комитеты защиты. Крупнейшие ученые, писатели, артисты, все трудящиеся поднимаются на защиту пламенного борца против фашизма.

Кровавая лапа фашистского диктатора Чили занесена над головой поэта. Народы Латинской Америки не допустят подлой расправы. Надо остановить руку палача!

Ничего печатается статья, за которую преследуется поэт. Статья была опубликована в мексиканской газете «Эль популар».

О О

пагоды во время последних президентских выборов. Наши близкие отношения дали мне возможность распознать Гонсалеса, заметить то немногое, что обычно имеют люди подобного пошиба, внутреннее содержание которых очень гармонирует с поддельной внешностью.

Идеалом жизни Гонсалеса Видела всегда было личное счастье. «Хочу быть президентом», — в этой фразе выражена вся его философия.

В других американских странах политики такого типа в погоне за властью устраивают различные авантюры или государственные перевороты. В Чили в тот момент подобные варианты были неосуществимы. Решив «стать президентом», Гонсалес Видела должен был явиться в демократическую тогу. Он особенно бранился дружбой с коммунистами. Однако коммунисты вместе с другими демократическими силами, прежде чем поддержать кандидатуру Гонсалеса, потребовали от него четкой правительственной программы, включающей основные реформы. Проект такой программы был обсужден на конференции демократических сил. Этот проект получил название «Программа 4-го сентября». В торжественной обстановке Видела поклялся выполнять программу и скрепил ее собственноручной подписью. Вот текст этой клятвы:

«Клянуся перед вами, истинными представителями народа, в том, что сумею повести вас к победе; что с помощью народа выполню программу, направленную для достижения общего благополучия, величия Чили и нашей демократии».

Удален коммунистов из правительства. Гонсалес Видела отказался от программы, которую поклялся выполнять. Веденная теперь в Чили цензура запретила газетам даже упомянуть о «Программе 4-го сентября». Правительство окончательно подчинилось банкам и промышленникам, связанным с монополиями США. Единственными людьми, которых слушает президент, являются именно представители американских фирм.

Вот первые результаты влияния этих советчиков: по указанию президента, генеральному штабу США передана подробная карта чилийского побережья. Чили наводнен многочисленными военными и полицейскими миссиями США и других стран. Из Аргентины полные самолеты. Начальник полиции США Уоррен Робинс направила в нашу страну девять агентов Федерального разведывательного бюро, которым поручено руководство репрессиями в рабочих районах. На нашей территории они хозяйничают бесконтрольно.

Перед тем как стать президентом, Гонсалес Видела возглавлял различные комитеты антифашистского и антифашистского характера. Сейчас ясно, что тогда он искал популярность и «ловил» голоса избирателей. Достигнув власти, этот демократ преследует не фашистские группы, а с особым остротением охотится на демократов, к которым когда-то примыкал. Травля достигла невероятных масштабов. Арестованы даже близкие друзья президента — испанские республиканские эмигранты, работавшие вместе с ним, когда он возглавлял чилийско-испанский антифашистский комитет.

Правительство поощряет организацию новых фашистских групп. На свет появилась «Ача» — Антикоммунистическая чилийская ассоциация. Во главе ее стоит старый фашистский агент Артуро Олазария. Ассоциация имеет вооруженные штурмовые отряды, открыто распевают песню гитлеровцев «Хорст Вессель». Военные парады этих погромщиков проходят под высоким покровительством Гонсалеса.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

МАГАЗИН ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ (проезд Художественного театра, д. 6) производит выдачу подписчикам ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ:

5 тома и 11 части 6 тома А. С. ПУШКИНА. 6, 7 и 8 томов Сочинений А. П. ЧЕХОВА. 5, 8 томов Сочинений А. Н. ТОЛСТОГО. 9, 10, 13, 14 томов Сочинений А. М. ГОРЬКОГО. 2, 3, 4, 5 томов Сочинений А. С. СЕРГЕЕВИЧА. 2, 4, 5, 6 томов Сочинений В. В. ШИШКОВА. 3 тома Сочинений И. А. КРЫЛОВА. 50, 52, 53, 54, 55 томов БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ. 11 тома МАЛОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ.

Подписчики могут получить указанные тома, не ожидая особых извещений магазина. Магазин открыт с 9 до 6 час. вечера. Перерыв на обед с 1 ч. до 2 ч. Выходной день — понедельник.

«ФРОНТОВОЙ КОНЦЕРТ»

Фотохуд. Я. ХАЛИНА